

УДК 2-14

ТРИАДОЛОГИЯ ЛЮБВИ

П.А. ФЛОРЕНСКОГО И С.Н. БУЛГАКОВА

Павенков В.Г., Павенков О.В.

Данная статья посвящена изучению триадологии любви одного из направлений русской религиозной философии. Это направление представлено именами П.А. Флоренского, С.Н. Булгакова, Н.О. Лосского, И. А. Ильина. Зачинателем этого направления был отец Павел Флоренский, который в своем трактате «Столп и утверждение истины» (1914) рассматривает такие проблемы, как межипостасные отношения в Пресвятой Троице, связь тринитарного паттерна и христианской антропологической модели, отношения между личностями, категории любви, ревности, дружбы. С.Н. Булгаков рассматривает христианскую триадологию любви как основывающуюся на понятиях образа и Первообраза и их взаимоотношений друг с другом. Общим основанием философии Флоренского и Булгакова является идея единства антропологии и триадологии любви.

Ключевые слова: триадология любви, антропология любви, тринитарный паттерн, христианская антропологическая модель, образ, Прообраз.

TRIADOLOGY OF LOVE

IN P. FLORENSKIY AND S. BULGAKOV'S STUDIES

Pavenkov V.G., Pavenkov O.V.

This article covers the study of triadology of love in one of the Russian religious philosophical schools. This direction is represented by such names as P.A. Florenskiy, S.N. Bulgakov, N.O. Lossky, I.A. Ilyin. The founder of this direction was the Father Paul Florensky. In his treatise “The Pillar and Ground of the Truth” (1914) he examined such issues as relations in the Holy Trinity, the connection of Trinitarian pattern with Christian anthropological model, relations between the individuals, the categories of love, jealousy, and friendship. S.N. Bylgakov considered the Christian triadology of love being based on concepts of the Image and the Prototype and

relations between the Image and the Divine Prototype. The common idea of Florenskiy and Bulgakov's philosophy is the idea of the unity of anthropology and triadology of love.

Keywords: anthropology of love, triadology of love, Trinitarian pattern, Christian anthropological model, type, Prototype.

Данная статья посвящена изучению триадологии любви как одного из направлений русской религиозной философии, которое наряду с другими направлениями и в целом христианским учением, рассмотренных в статьях автора [6; 7], является смыслообразующим в христианском теологическом дискурсе. Это направление представлено именами П.А. Флоренского, С.Н. Булгакова, Н.О. Лосского, И.А. Ильина. Зачинателем этого направления был отец Павел Флоренский, который в своем трактате «Столп и утверждение истины» (1914) рассматривает такие проблемы, как межипостасные отношения в Пресвятой Троице, связь тринитарного паттерна и христианской антропологической модели, отношения между личностями, категории любви, ревности, дружбы.

В первую очередь, необходимо пояснить понятия тринитарного паттерна и христианской антропологической модели. Тринитарный паттерн – это господствующая в христианском дискурсе идея, в соответствии с которой за образец для выстраивания межличностных, межгрупповых, социальных, международных отношений берутся отношения Любви между Ипостасями Пресвятой Троицы. Философская антропологическая модель – это всегда результат исследования, построенного на данных частных наук; в ней отражены представления о человеке, сформировавшиеся в рамках той или иной эпохи, философского течения, направления или отдельного мыслителя. Христианская антропологическая модель основывается на соединении Божественной и человеческой природы во Христе, идеи человека как образа и подобия Божия.

Центром размышления онтологического направления русской религиозной философии является триадология любви. Почему не просто триадология? Это связано с тем, что триадология русских религиозных философов берет свое начало в христианском учении о Боге как Любви. Троица немыслима и невозможна без Любви, и Любовь немыслима и невозможно в Боге без Трех Ипостасей, иначе это была бы не Божественная неизреченная Любовь как агапэ, а эгоизм демонический и дионисийский.

Триадология для рассматриваемого нами направления русской религиозной философии – это онтологическая агапэлогическая теология, это учение о бытии Бога как Любви.

Оригинальное и неожиданное понимание этого учения дали С. Булгаков [1; 2] и П. Флоренский [4; 5]. Они делают акцент на онтологическом измерении концепции единства церкви. Онтологический, на первый взгляд, непреодолимый для мятущейся ищущей Истину души разрыв между образом и Пробразом или первоисточником этого образа не является таким уж непреодолимым благодаря Боговоплощению. Согласно взгляду С. Булгакова и П. Флоренского после воплощения Христа дистанция между образом и Пробразом значительно сократилась. Оба они выявили тринитарный паттерн в человеческой природе в его самоопределении. Это тринитарный паттерн мы наблюдаем в троичном устройении человека и общества, в троичности структур, которые присутствуют в природных системах. Но они вывели этот паттерн из принципа межличностных отношений и подчеркнули связь тринитарного паттерна и антропологической модели.

С. Булгаков в своей статье «Завещание Святого Сергия для русского богословия» (1926) обсуждает, почему Сергий Радонежский, несмотря на удивительное смирение, называет не храм, не собор, а маленькую часовню в своем монастыре часовней Пресвятой Троицы. Комментируя переживания Сергия Радонежского по этому поводу, С. Булгаков излагает основные положения своего понимания христианской триадологии любви, в основе которой лежат понятия образа и первообраза и их отношений друг с другом.

Любовь рассматривается философом «как самая жизнь божественной Троицы, предвечный акт любви-в-взаимности, в которых три являются одним и один является тремя. Человек создан как образ Божий» [2, с. 5-9].

Булгаков подчеркивает связь тринитарного паттерна и христианской антропологической модели в следующих словах: «Бог, во св. Троице сущий, есть Любовь, и эта Любовь есть самая жизнь Божественного триединства, само триединство, как предвечный акт любви-взаимности, в которой Три суть Один и Один суть Три, единый триипостасный, абсолютный, божественный Субъект, Сущий Иегова, божественное Я. Человек создан по образу Божию и посему в себе он таит возможность боговедения. Всякий человеческий субъект есть я, ипостась, единое подлежащее бесконечных своих сказуемых или самополаганий. Я непосредственно дано субъекту, как основное его самополагание, оно неопределимо» [2, с. 6]. При этом «Я» постоянно и неудержимо стремится определить себя, ответить на вопрос «Кто есть я?» Булгаков говорит о взаимной нужде человеческих личностей друг в друге. В бинарной оппозиции «Я – Другое Я» нет односторонней зависимости, а есть равноправие позиций и ценностная, духовная, моральная взаимосвязь, без которой невозможно установление нормальных межличностных отношений, выстроенных в соответствии с тринитарным паттерном.

Эта взаимосвязь, на наш взгляд, устанавливается не после, а до-контакта, она носит априорный характер и основана на объективной нужде. «Ты – это другое Я, и в то же самое время подобно (моему) Я, которое также не есть Я, потому что оно находится вне Я, но оно дано мне как условие моего самосознания, таким образом, оно во мне... Я не могу оставаться в своей собственной самозакрытости, в метафизическом эгоизме, но он нуждается в Ты, чтобы стать Я для того, чтобы реализовать полноту своей само-бытия» [2, с. 6]. Взаимность проявляется по Булгакову во взаимной рефлексии. Двух субъектов по Булгакову недостаточно для полного соответствия тринитарному паттерну. Двойственность в отличие от троичности не может привести к полноте единства. В ней задействованы всего два субъекта. В отношениях «Я – Ты»

двух компонентов недостаточно, поскольку «Я» не уверено в самобытии и может отождествить себя с «Ты» и утратить саму себя. «Что, если Ты – это такой же я, только отличаются внешне, который надел шляпу «не-Я?». Таким образом, возникает необходимость в существовании третьей личности. Булгаков вводит понятие «Мы», благодаря которому возможна самореализация «Я» в множественности единства «Мы». В понятии «Мы» нет оппозиционности, которая присутствует в отношении «Я – Ты». В «Мы» собственное «Я» способно к полному самовыражению в другой личности. «Мы» существует уже как стремление «Я» и другого «Я» к любви, то есть потенциально в «мы» уже присутствует любовь.

Дальнейшее раскрытие любви происходит в соборности, которую Булгаков выводит из принципа «Мы». «Соборность или мульти-единство есть неотъемлемый атрибут личного Я, ипостасного Я, без которого «Я» не может реализовать себя или даже существовать. Сказать: «Я», ипостась в то же время сказать так же: Ты, Мы, Они» [2, с. 6]. Булгаков приближается к истинному и полному выражению принципа тринитарного ипостасного бытия. Он четко осознает, что ограниченный, слабый и не просвещенный лучами Божественных энергий интеллект созданных существ не может понять, что есть в Троице. «В Святой Троице совершается то, что неместимо для тварного сознания: не *из я*, неизбежно остающегося на своем месте, исходит в *ты* и *он*, но само *я* из себя исходит, как бы в жертвенности гасит свой светильник для того, чтобы он возгорелся в другом или других (двух). Божественная Ипостась осуществляется предвечным актом ипостасного самоугашения для возгорания в другом, для другого, через другого... Поэтому здесь нет отдельного рядоположения...здесь есть для каждой ипостаси триединство: *я, ты, он*, с одновременным *мы и вы*, предвечно актуализирующая соборность, самополагающийся абсолютный субъект. Но каково же имя этому самополаганию, существо этой актуализирующейся соборности? Об этом отвечает Слово Божие: «Бог есть Дух». «Бог есть Любовь». Как Дух, Бог

есть Сущий, Я, ипостасный субъект, Абсолютное, т.е. Триипостасное Я есть Любовь» [2, с. 10].

Итак, триипостасный субъект есть Любовь. В Любви Божественной, межипостасной присутствует абсолютная, самоактуализирующаяся, предвечная соборность.

В связи с троическим паттерном, С. Булгаков указывает на вписывающуюся в христианскую антропологическую модель идею, что человек был создан как дву-полое существо. Бог создал Адама и Еву, как «как многоединство, которое существенно сводится в отношении ипостасности к триединству. Полнота образа Божия раскрывается и осуществляется не в отдельном индивидуе, но в человеческом роде» [2, с. 9]. Мульти-единство не возможно без любви не только каждого «Я» к каждому «Я», но отдельной личности ко всему человечеству. Не только каждый человек в отдельности или группа людей, но все человечество в целом соборно призвано Богом к достижению и умножению любви. Любовь не есть конечный результат, а бесконечный путь, путь самоотвержения и жертвенного служения, путь борьбы с самим собой, путь преодоления себя и обретение ближнего, путь не единичный, но соборный, путь не к себе, но к Богу и поэтому путь становления богоподобной личности. «И всякий опыт любви есть эта жизнь в другом и другим, перенесение своего я в некое ты, самоотожествление с ним по образу любви триипостасной» [2, с. 10].

В этом пути есть не только социальный, психологический, духовный, мистический, но и экклезиологический аспект. «Соборность любви есть Церковь, человеческий род в своем оцерковлении, богоуподоблении, обожении, которое и есть цель и задача человеческой жизни» [2, с. 10]. Приводя, как пример истинной любви, образ духовной жизни преподобного Сергия Радонежского, Пресвятой Девы Марии, апостола Иоанна Богослова, Булгаков подводит итог: «Любовь есть себя отвержение, себя невидение, себя отдавание, себя одоление, от себя освобождение. Любовь есть жизнь не собой, а другим, она есть освобождение от своего себялюбивого я... И образ триипостасной

самоотвергающейся Любви, в которой каждое ипостасное Я существует в другом Я, одно Я лишь как другое, есть предвечное смирение» [2, с. 10]. Высшим образом этого смирения является Бог. «Вседовольный и всеблаженный Бог самоуничижается в смирении и любви Своей и ставит рядом с собой Свое творение. Сотворение мира и человека есть акт богоснисхождения, любви смиряющейся» [2, с. 12].

Те космические, социальные, агапэлогические параллели, которые приводит С. Булгаков, развиваются и раскрываются в новом свете гениальным умом отца Павла Флоренского, которого Т. Спидлик назвал «по преимуществу, теологом Троицы» [8, р. 63-67; 9; 10]. В книге «Столп и утверждение Истины», которую можно назвать «Столпом и утверждением любви», ибо Истина персоналистична и является Любовью, П. Флоренский выразил свой личный опыт с живой Истиной, которая есть не что иное, как христианская Троица. Обращаясь к читателю, о. Павел пишет, что только «живой религиозный опыт - единственно законный способ познания догматов» [4, с. 33]. П. Флоренский призывает нас не к внешнему остранинному анализу религии, принятому в светском религиоведении, а познанию как приобщению к живому духовному опыту получаемому в ограде Церкви. Из этого опыта жизни духовной, жизни в мудрости рождается истинная любовь к мудрости: философия Духа, а не плоти.

Флоренский вступает в дискуссию о Троице как прообразе Церкви. В центре его внимания находится вопрос единства и консубстанциальности. Он развивает учение о консубстанциальности как идеи всеединства и единосущия. Для него, термин «Троица» помогает разрешить те богословские вопросы, которые возникают при чтении и интерпретации Библии. Флоренский расширяет те смыслы и те идеи, которые возникали при интерпертации догмата о Троице. Он подвергает критике рационалистическую философию, и утверждает, что любое истинное знание строится на онтологической консубстанциональности. Свой тип философствования он называет онтологическим типом философии, который делает акцент на живом

онтологическом единстве существ и их динамической взаимосвязи друг с другом.

Мы можем выделить несколько ключевых аспектов размышления Флоренского о тайне любви, существующей и в межипостасных внутритроичных, и в межличностных отношениях:

1. Евхаристический аспект. Флоренский обращает наше внимание на слова из Литургии святого Иоанна Златоуста, которые показывают единство, восходящее в тринитарному паттерну, то есть устанавливаемое по образцу тринитарного единства: «Возлюбим друг друга, да единомыслием исповемы. Мы исповедуем Троицу Единосущную и Нераздельную» [3].

Участники Евхаристии призываются к прославлению имя Троицы едиными устами и единым сердцем. Флоренский подчеркивает, что эта «гомоя» (единство мысли) не является лишь «гомояной» (сходством мысли) [5, р. 64]. На основе этого различия он утверждает, что единство верующих носит характер не только социально-психологического, а консубстанционального единства.

2. Консубстанциональный аспект. Единство верующих является онтологическим, а точнее консубстанциональным (омоусийным), то есть единством в существе. Это единство актуализируется посредством любви по образцу тринитарного единства в любви. «Метафизическая природа любви – в сверхлогическом преоборании голого само–тождества «Я = Я» и в выхождении из себя; а это происходит при истечении на другого, при влиянии в другого силы Божией, расторгающей узы человеческой конечной самости. В силу этого выхождения Я делается в другом, в не–Я, этим не–Я, делается едино–сущным брату, – едино–сущным (ὁμοούσιος), а не только подобно–сущным (ὁμοιούσιος), каковое подобно–сущие и составляет морализм; т. е. тщетную внутренне–безумную попытку человеческой, вне–божественной любви» [4, с. 97]. В любви проявляется удивительная взаимосвязь диалектически взаимосвязанных понятий самоотрицания и утверждения, то есть истинного нахождения себя в другом.

«Любовь и есть «да», говоримое Я самому себе; ненависть же – это «нет» себе» [4, с. 97].

3. Софиологический аспект. С точки зрения Флоренского, София не является отдельной Ипостасью Троицы. София является только по аналогии персональной, и служит для иллюстрации и объяснения различных моментов в креативной деятельности Святой Троицы [9, р. 181]. София есть Премудрость Божия, воплотившаяся и реализовавшаяся. Характеризуя Софию как Единую в Боге и множественную в творениях, как великий Корень Творения, Флоренский не добавляет других определений для Софии [9, р. 182] и, соответственно, не придает ей каких-либо свойств отдельной Ипостаси Бога. В конечном счете, София, на наш взгляд, есть сам Христос как Премудрость, а софиология – это неотъемлемая часть христологии.

Флоренский следует за Булгаковым в выведении необходимости тринитарного паттерна (Я – Ты – Он) в ипостасное самоопределение. Хотя мышление Флоренского опирается на немного другой вид логики. Если Булгаков утверждает, что такая часть тринитарного паттерна, как «Он» является необходимым элементом для того, чтобы преодолеть бинарную оппозицию «Я – Ты» и утверждает, что «Ты» не есть просто версия «Я», то Флоренский говорит, что «Он» необходим для того, чтобы умножилась любовь в рамках тринитарных отношений: «Наслаждаясь красотой двоицы Он любит ее и чрез то – познаёт, утверждая каждого, каждое Я в её ипостасной самобытности. Этим утверждением своим созерцающее Я восстанавливает самождество созерцаемых ипостасей: первого Я, как Я любящего и любимого; второго Я, как Я любимого и любящего, – как Ты. Тем самым, чрез отдачу себя двоице, разрывом оболочки своей самозамкнутости, третье Я приобщается её едино-сущию в Боге, а двоица делается троицею. Но Он, это третье Я, как созерцающее двоицу предметно, само является началом для новой троицы. Я все троицы срастаются между собою в едино-сущное целое – в Церковь или Тело Христово» [4, с. 97]. Как мы видим, и для Флоренского, и для Булгакова

значимым аспектом тринитарного паттерна является еkkлезиологический аспект.

4. Эkkлезиологический аспект. По Флоренскому Церковь как Тело Христово синтезирует в себе все троичные отношения, ипостаси Божественной любви [4, с. 97]. Эkkлезиологический аспект неразрывно связан с социальным аспектом.

5. Социальный аспект. Обсуждение тринитарного паттерна возникает как у Булгакова, который комментирует созданием Сергием Радонежским часовни во имя Пресвятой Троицы, так и у Флоренского, который воспринимает это действие как призыв «России к единству» и говорит, что цель состояла «в созерцании в нем прообраза божественного единства» [4, с. 97]. Единство духовное, единство в любви есть образец для социального и национального единства. Флоренский полагает, что для Сергия Радонежского идея Пресвятой Троицы был вкраплена в самую структуру общества. Она является правилом социальной жизни.

Для Флоренского, в каждом тринитарных межличностных отношений, третий компонент, который предусматривает двуединство в качестве объекта, становится основой для появления новой троичной единицы. Все троичные единицы растут в пределах одного организма, называемого церковью, которая есть по существу «предметное раскрытие Ипостасей Божественной любви» [4, с. 69].

Итак, общим основанием философии Флоренского и Булгакова является идея единства антропологии и триадологии любви. Они оба осознавали, что антропология любви невозможна без триадологии любви, так же антропологическая модель любви не мыслима вне ее связи с тринитарным паттерном, поскольку любовь человеческая является истинной только тогда, когда формируется и развивается по образцу Божественной любви. Таким образом, межипостасные отношения в Боге есть паттерн для отношений межличностных. Любовь, существующая предвечно между Ипостасями Бога,

есть источник и живой прообраз рождающейся между человеческими личностями истинной любви.

Список литературы:

1. Булгаков С. Благодатные заветы Сергия русскому богословствованию // Путь. 1926. № 5. С. 3-19.
2. Булгаков С, прот. Утешитель о богочеловечестве. Ч. II. Париж. 1936. С. 356-387.
3. Литургия святителя Иоанна Златоуста [Электронный ресурс] // Библиотека Якова Кротова [сайт]. 2014. URL: <http://goo.gl/ZrcvfS> (дата обращения: 28.10.2014).
4. Флоренский П. Столп и утверждение истины: Опыт православной теодицеи. М., 2005.
5. Florensky P. The Pillar and Croud of the Truth, tr. B.Jakim. Princeton: Princeton university press, 1977.
6. Pavenkov O.V. Contemporary linguistic analysis of the concept “Love” [Электронный ресурс] // *Studia Humanitatis*. 2014. № 4. URL: <http://st-hum.ru/node/198> (дата обращения: 25.02.2015).
7. Pavenkov O.V. Christian ethic of love and Hindu ethic of dharma: comparative analysis [Электронный ресурс] // *Studia Humanitatis*. 2014. № 3. URL: <http://st-hum.ru/node/164> (дата обращения: 25.02.2015).
8. Spidlik T. Spiritualitatea Răsăritului Creștin IV. Omul și destinul său în filozofia religioasă rusă (The Spirituality of the Christian East, vol. 4: Man and His Destiny According to Russian Religious Philosophy), Romanian translation by Maria-Cornelia Ică jr. Sibiu: Deisis Publishing House, 2002.
9. Spidlik T., Rupnik M. Teologia pastorale. A partire dalla bellezza. Roma. 2005.
10. Spidlik T., Rupnik M. Una conoscenza integrale La via del simbolo. Roma 2010.

11. Stesinski R. Pavel Florensky: a metaphysics of love. New-York: St. Vladimir seminary press. 1984.

Сведения об авторах:

Павенков Владимир Григорьевич – кандидат исторических наук, доцент Санкт-Петербургского государственного университета кино и телевидения (Санкт-Петербург, Россия)

Павенков Олег Владимирович – кандидат философских наук, старший преподаватель Санкт-Петербургского государственного университета кино и телевидения, аспирант Санкт-Петербургской Православной Духовной Академии (Санкт-Петербург, Россия).

Data about the authors:

Pavenkov Vladimir Grigor'yevich – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, St. Petersburg State University of Cinema and Television (Saint Petersburg, Russia).

Pavenkov Oleg Vladimirovich – Candidate of Philosophical Sciences, Senior Lecturer, St. Petersburg State University of Cinema and Television, graduate student of Saint Petersburg Theological Academy (Saint Petersburg, Russia).

E-mail: pavenkovvg@yandex.ru.

E-mail: pavenkov@yandex.ru.